

Предисловие

В первой половине 2011 г. большинство российских научных и образовательных учреждений гуманитарного профиля, а также общественных организаций, претендующих на значимое место в политической жизни, сочли своим долгом отметить 150-летие освобождения крестьян от крепостной зависимости в России. Во многом это объясняется повышенным вниманием к данному юбилею. По данным опроса, проведенного в 2011 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), отмену крепостного права в 1861 г. самым значимым событием российской истории XIX в. считают 62 % россиян. Для сравнения: Отечественная война 1812 г. и восстание декабристов получили соответственно 28 и 22 % голосов.

Такое внимание к событию, произошедшему полтора века назад, во многом было спровоцировано активной актуализацией реформ Александра II в массмедиа, энергичной эксплуатацией символики «освобождения», «прогресса» и т. д. («Александр II поныне остается единственным царем, при котором обществу удалось примириться с властью хотя бы на миг. Не его вина, что ни одну полноценную реформу нельзя в России довести до конца, не заплатив за это кровью». — Телепроект «Имя Россия — Александр II», телеканал «Россия», эфир 30 ноября 2008 г.). Немалое значение имело и то, что 19 февраля 1861 г. уже давно стало общепринятым рубежом разделения России на «старую» и «новую». Таким оно укрепилось и в сознании современников, и в дореволюционной историографии. Советские историки назначили этот день переходным от одной формации к другой: от феодализма к капитализму. Само выражение «девятнадцатое февраля» для образованного россиянина стало таким же понятным и значимым паролем, как «четырнадцатое декабря», «семнадцатое октября», «двенадцатый год», т. е. выражением, маркировавшим подобные переломные моменты — восстание декабристов в 1825 г., издание Манифеста о политических свободах 1905 г., победу над наполеоновской Францией в 1812 г.

Дополнительную значимость юбилею придало внимание к нему со стороны властных структур. 3 марта 2011 г. президент России Д.А. Медведев выступил на конференции «Великие реформы и модернизация России» в Петербурге и возложил цветы к могиле Александра II. Последнее символическое действие прямо указывало на желание нынешнего главы государства проде-

монстрировать некую преемственность между преобразованиями 1860–1870-х гг. и изменениями в политической и социально-экономической сферах 2000–2010 гг. В своем докладе президент заявил буквально следующее: «По сути, мы все продолжаем тот курс, который был проложен полтора века назад». Присутствовавшим в Мариинском дворце ясно давалось понять, что реформы обеих сравниваемых эпох требовали жертв, неоднозначно воспринимались в обществе, а их инициаторы и проводники в жизнь нередко подвергались несправедливой критике современников и потомков. Тем не менее преобразования Александра II открыли «путь России к экономическому прогрессу, к развитию, к развитию внутреннего рынка, к развитию промышленности». Президент не обошел своим вниманием вопрос, являющийся, по сути, ключевым при оценке преобразований 1860–1870-х гг.: какова их роль в том, что произошло в стране в начале XX в.? Почему Россия семь десятилетий шла своим особым, чрезвычайно трагическим путем? Подоплека этого вопроса в устах политика очевидна: какие уроки можно извлечь из истории александровских реформ при проведении и подготовки реформ нынешних?

Как известно, за преобразованиями 150-летней давности закрепились характеристика «половинчатые и противоречивые», поскольку наследство царя-освободителя включает в себе не только «славное», но и «неоднозначное». И вновь слова президента звучат как оправдание сегодняшних проблем: «Политические и социальные преобразования должны быть продуманными, рациональными, постепенными, но неуклонными». Неудобным словом был помянут один из столпов самодержавия — «военно-бюрократическая вертикаль власти», а в заочном историческом споре Николая I, Сталина и Александра II Медведев назвал победителем царя-освободителя и завершил свое выступление словами: «...главное мы поняли: поняли, что свобода всегда лучше, чем несвобода».

3 марта 2011 г. специальное торжественное заседание в храме Христа Спасителя в Москве провели иерархи Русской православной церкви, перед которыми выступил патриарх Кирилл с речью «Великие реформы императора Александра II — успешный пример модернизации». Прежде всего глава РПЦ обратил внимание на то, что эти преобразования прошли «без смуты и братоубийства, мирно и упорядоченно — в первую очередь благодаря мудрым и решительным действиям как государственной власти, так и общества».

Первый важный урок, который должна усвоить Россия сегодняшняя, — важные и мирные преобразования стали плодом «сотрудничества различных общественных групп», придерживавшихся различных идеологических направлений. Второй важный урок, по мнению патриарха Кирилла, заключался в том, что «впервые в послепетровской России модернизация национального масштаба не была связана с механическим копированием чужого опыта государственного управления, социального устройства и технического оснащения, но осуществлялась с опорой на нравственные нормы, духовную и культурную традицию народа». Далее, призывая к укреплению социального мира, патриарх сделал довольно двусмысленное заявление, сравнивая тогдашний отказ дворянства от части наследственных привилегий с сегодняшней необходимостью для имущих слоев России поделиться материальными благами со слоями малоимущими.

Юбилей крестьянской реформы 1861 г. оказался очень кстати, поскольку он пришелся на время обострения дискуссии о модернизации России уже в первой четверти XXI столетия. При этом дискуссия выходит далеко за академические рамки, поскольку она тесно связана с выбором пути, с формированием конкретного плана действий в экономической, социальной и политической сфере. При всем своем многообразии идеи преобразований складываются в два принципиально отличающихся друг от друга комплекса. Первый запускает необратимый и бюрократически неуправляемый процесс коренных социальных и культурных перемен перехода к гражданскому обществу с глубокой демократизацией системы государственного управления. Второй комплекс предусматривает установление границ информационного обмена, мобилизационную модель развития, выстраивание новой социальной иерархии, направленное государственное регулирование. Цели модернизации и движущие силы в обеих моделях радикально различаются. В первом случае процесс завершается глубинной перестройкой всего общества, во втором случае дело ограничивается только техническими заимствованиями. Для перестройки требуются усилия политически активного, ответственного общества, «технологическое обновление» может провести и «просвещенная бюрократия» в союзе с другими элитными группами¹. Выбор между этими путями модернизации стоял

¹ Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история. 2011. № 1. С. 3–27.

перед Россией середины XIX в., перед таким же выбором стоит и Россия начала XXI в.

Дополнительную остроту дискуссиям о путях дальнейшего развития страны и дополнительный импульс к использованию исторического опыта александровских реформ придает видимое невооруженным взглядом сходство внутренней и внешней политической ситуации. В 1860-е гг. Российская империя приходила в себя после поражения в Крымской войне. В 2010-е гг. Россия (ее часть с имперским мышлением) переживает неудачу в войне холодной, закончившейся распадом СССР. Как в далекие годы, так и сейчас обществу пришлось испытать крайне болезненное усвоение новых представлений о справедливом и несправедливом порядке распределения собственности. Важным обстоятельством является и то, что правительственный аппарат как 150 лет назад, так и сегодня автономен по отношению к обществу. Это, с одной стороны, облегчает проведение непопулярных мероприятий, но с другой — делает проблематичным представление правительственной программы модернизации как проявления народной воли.

Актуализация истории реформ Александра II, акцентированная дидактичность опыта преобразований полуторавековой давности стали причинами того, что в центре внимания общественности и научных кругов находится не столько сама крестьянская реформа и даже не ее исторический контекст, а ее «уроки», возможность использовать ретроспективный материал в качестве аргументов в сегодняшнем политическом и научном диспуте. Об этом свидетельствуют сами названия юбилейных конференций: «Освобождение человека — реформаторские идеи в России и Европе (XIX–XXI вв.)» (ИНИОН, Германский исторический институт в Москве, Франко-российский центр); «Российский опыт реформ. К 150-летию Манифеста императора Александра II об освобождении крестьян от крепостной зависимости» (РГТЭУ, Российское дворянское собрание и Общероссийское общественное движение «За Веру и Отечество»); «Александр II и Авраам Линкольн» (Отделение историко-филологических наук РАН, Институт всеобщей истории РАН, Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Государственный архив Российской Федерации); «Предтеча великих реформ. К 200-летию В.Г. Белинского и к 150-летию отмены крепостного права в России» (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН). Конференция «Великая крестьянская реформа 1861 г. и ее влияние на развитие

России» прошла в Темирязовской сельскохозяйственной академии. Российский государственный гуманитарный университет совместно с фондом «Русский мир» также провел конференцию «Великая реформа 1861». Здоровый дух позитивизма исходит от программы очень традиционной по своей направленности международной (до 1991 г. называлась бы всесоюзной) конференции «Реформы Александра II. К 150-летию отмены крепостного права», проведенной в Московском университете туризма и сервиса. Однако даже на ней темы почти половины заявленных докладов (19 из 41) отражают тягу скорее к «осмыслению», нежели к «изучению» преобразований 1860–1870-х гг.

На фоне многочисленных конференций особенно заметна «пассивность» научных журналов. Хотя традиция издания научных трудов «по случаю», порожденная отечественной историографией, заметно угасает, тем не менее такой активизирующий момент, как общественно значимый юбилей, нельзя сбрасывать со счетов. И что же мы видим? В журнале «Вопросы истории» за 2010 и 2011 гг. статей о реформе не опубликовано. В журнале «Власть», где имеется довольно большой раздел «Отечественный опыт», такая же картина. Не посчитали нужным откликнуться на юбилей реформы и такие внимательные к отечественной истории журналы, как «Мир России. Universe of Russia» и «Новое литературное обозрение». В «Российской истории», в первом номере за юбилейный 2011 г., под грифом «К 150-летию Великой реформы» появилась аналитическая статья А.Н. Медушевского «Великая реформа и модернизация России», а также несколько публикаций, посвященных истории аграрных реформ². Научная состоятельность последних бесспорна, однако при всей своей актуальности они уходят в «пограничье» крестьянской реформы. К этому же «пограничью» следует отнести и опубликованную во втором номере за 2011 г. работу И.А. Христофорова «Между частным и казенным: крестьянская реформа в государственной

² Горская Н.И. Свободный крестьянин перед мировым и волостным судом (местная юстиция в 1860–1880 гг.) // Российская история. 2011. № 1. С. 28–41; Корелин А.П. Аграрный сектор в народнохозяйственной системе пореформенной России (1861–1914) // Там же. С. 42–56; Давыдов М.А. Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы 1907–1915 // Там же. С. 56–73; Нефедов С.А. К дискуссии об уровне потребления в пореформенной и предреволюционной России // Там же. С. 73–86; Белянин Д.Н. Переселение крестьян в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы // Там же. С. 86–95.

деревне, либеральная доктрина и споры о собственности»³, посвященную преобразованиям графа П.Д. Киселева 1830–1840-х гг. и развитию казенной деревни в 1860–1880-е гг. Несколько смягчает ситуацию публикация в № 4 основательной историографической статьи О.В. Большаковой «Между двумя юбилеями: англоязычная историография отмены крепостного права»⁴.

Анализ библиографии позволяет сделать вывод: за последние два десятилетия в отечественной исторической науке не назрела потребность в появлении новой основательной работы о реформе. Книга Б.Г. Литвака «Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива» вышла в свет в 1991 г., и опять же ее основные тезисы связаны с претворением в жизнь положений 19 февраля. Напрашивается вопрос: в изучении подготовки реформы поставлена точка?

Создается впечатление, что в преддверии действительно значимого юбилея крестьянской реформы самым заметным явлением в сфере публикации научных трудов стало переиздание сборника Л.Г. Захаровой⁵. Особого внимания в этом сборнике заслуживает статья «Путь к теме», где показана логика исследования и дана впечатляющая картина условий работы историка во времена, когда работники незримого идеологического фронта зорко присматривали за работниками творческими. Научная значимость трудов Л.Г. Захаровой не вызывает никаких вопросов. Вопрос вызывает обоснованность фактического отказа от продолжения фундаментальных исследований крестьянской реформы, а именно такой вывод напрашивается при анализе отечественной библиографии и историографии. Дополнительную остроту данной ситуации придает то, что практически всем региональным работам по истории отмены крепостного права также впору отмечать 30–50-летние юбилеи своего выхода в свет⁶. Заметных успехов в изучении аграрной истории России добились исследователи, применяющие математические методы, — про-

³ Христофоров И.А. Между частным и казенным: крестьянская реформа в государственной деревне, либеральная доктрина и споры о собственности // Российская история. 2011. № 2. С. 93–109.

⁴ Большакова О.В. Между двумя юбилеями: англоязычная историография отмены крепостного права // Российская история. 2011. № 4. С. 14–26.

⁵ Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.

⁶ Фридман М.Б. Отмена крепостного права в Белоруссии. Минск, 1958; Филиппов Р.В. Реформа 1861 г. в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1961; Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972; Топчий А.Т. Крестьянская реформа в Сибири. Томск, 1979.

фессор Санкт-Петербургского государственного университета С.Г. Кащенко⁷ и группа молодых ученых, защитивших кандидатские диссертации под его руководством.

Итоги отечественного и зарубежного изучения александровских реформ подведены в статьях Л.Г. Захаровой «Великие реформы 1860–1870-х гг.: поворотный пункт российской истории?»⁸ и О.В. Большаковой «Между двумя юбилеями: англоязычная историография отмены крепостного права». Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что российские историки и их зарубежные коллеги имеют сходные мнения по целому ряду основных вопросов, связанных с проблемами изучения реформ Александра II. В качестве предпосылки преобразований уже не рассматривается пресловутая «революционная ситуация». Главной причиной перемен называется стремление сохранить за Россией статус великой державы. Прочные позиции занимают тезисы о том, что, несмотря на переживаемые трудности, крепостническая система была еще вполне жизнеспособна, но в обществе нарастало неприятие ее с моральных позиций. Дворянство все более и более испытывало душевный дискомфорт, связанный с «владением рабами». Хотя мнение современников о невыгодности подневольного труда не соответствовало действительности, оно играло важную роль в мотивации реформаторов.

Существование целого ряда фундаментальных трудов и большого числа исследований, проводившихся по разным методикам, не привело историческое сообщество к согласию по многим дискуссионным вопросам. Один из главных: углубляло ли освобождение крестьян и другие реформы 1860–1870-х гг. разделение страны на традиционное и вестернизированное общество, или, наоборот, смягчало? Так, «модернизаторы» полагали, что пореформенное устройство России не обеспечило условий для социального и технологического обновления, усилило разделение общества на две части — европеизированную и традиционную.

⁷ Кащенко С.Г. Реформы 13 февраля 1861 г. в Санкт-Петербургской губернии. Л., 1990; Кащенко С.Г. Отмена крепостного права в Псковской губернии: Опыт компьютерного анализа условий реализации крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. СПб., 1996; Кащенко С.Г. Отмена крепостного права в столичной губернии: Из истории государственных реформ в России 2-й половины XIX в. СПб., 2002; Кащенко С.Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года. М., 2009.

⁸ Захарова Л.Г. Великие реформы 1860–1870-х годов: поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. 2005. № 4. С. 151–167.

Интерес к изучению процесса модернизации в экономической сфере угас, а вопрос о культурном расколе остался. Требуется тщательного осмысления правомерности и целесообразности разделения реформ первой, второй и третьей четверти XIX столетия, а также того, что получило название «контрреформ». Л.Г. Захарова предлагает избегать «прямолинейности в оценках Великих реформ, которая порой заметна в историографии, когда подчеркивается то непроходимая пропасть между эпохами, то полная непрерывность в поступательном движении самодержавия по пути преобразований»⁹. В дополнительных исследованиях нуждается вопрос о том, обладала ли либеральная бюрократия основательными знаниями о ситуации в стране, или применяла в России европейский опыт без должного учета особенностей ее предыдущего развития.

Продуктивным выглядит подход к изучению реформ, при котором отмена крепостного права рассматривается не как фундамент, на котором крепятся конструкции (прочие реформы), а такой, при котором преобразования эпохи Александра II представлены как более сложный механизм, когда действия одних узлов (реформ) оказывают на другие узлы неоднозначное влияние. По-прежнему преобразования изучаются изолированно одно от другого. До сих пор нет фундаментального исследования социально-экономических последствий военной реформы.

Требуется основательной ревизии укоренившееся мнение о громадном воздействии преобразований на рост экономики во второй половине XIX в. Американский историк П. Готрелл сумел доказать, что при всем своем социальном и политическом значении влияние реформ на промышленность, сельское хозяйство и банковскую сферу следует оценивать осторожно¹⁰. Рано считать достаточно изученным и вопрос о последствиях отмены крепостного права для развития помещичьего и крестьянского хозяйства.

При том, что «рубежность» 1861 г. никем не оспаривается, глубина произошедшего перелома еще далеко не выяснена и в этом направлении исследователям еще многое предстоит сделать. Все понимают, что на следующий день после подписания любого закона ситуация в сфере, которую этот закон регулирует, остается

⁹ Захарова Л.Г. Великие реформы 1860–1870-х годов... С. 165.

¹⁰ Готрелл П. Значение Великих реформ в истории экономики России // Великие реформы в России. 1856–1874 / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 124.

ся практически той же самой. Сколько потребовалось времени для ощутимых изменений, когда ситуация оказывалась соответствующей букве и духу принятого закона? В этой связи продуктивным выглядит углубленное изучение институтов деревни, ее быта, сельскохозяйственных технологий и других социокультурных реалий. В равной степени это относится и к прочим сферам, претерпевшим преобразования в 1860–1870-е гг. (повседневность городская, университетская, военная, управленческая, банковская и т. д.). Разумеется, здесь речь идет об анализе того, как действие реформы проявлялось в конкретных жизненных ситуациях и как жизненные реалии влияли на проведение преобразований.

Одним из направлений в изучении российских реформ второй половины XIX в. является внимание к действующим лицам. Это объясняется как обоснованным признанием роли либеральной бюрократии в подготовке и проведении преобразований, так и пониманием того, что уже в николаевскую эпоху в государственном аппарате появилось большое число людей, готовых к переменам. Однако до сих пор в фокусе исследовательского внимания оказываются в основном главные персоны и ожидают своего часа те, кто обеспечивал проведение преобразований в губерниях, кто поддерживал реформаторов-политиков в недрах столичных канцелярий. Этот изъян в изучении процесса реформ становится еще более очевидным на фоне признания необходимости изучать интеллектуальный климат эпохи Александра II. Приведенный перечень проблем, которые трудно назвать решенными, можно было бы продолжить, однако его контуры не являются незыблемыми. Как отметила в своей статье О.В. Большакова, они меняются в соответствии с поворотами в подходах к изучению прошлого, зависят от «интеллектуальной моды». Поэтому в 1980-е гг. в зарубежной русистике интерес к истории конституционализма и перспективам либерализма в России объясняется заостренным вниманием к проблеме построения гражданского общества. В этом контексте освобождение крестьян стало рассматриваться как одна из предпосылок зарождения в Российской империи гражданского общества. Уход в небытие модернизационной парадигмы повлек за собой заметное снижение внимания англоязычных историков к Великой крестьянской реформе. Поскольку «проблема российской отсталости перестала быть *idee fixe* для большинства исследователей, отмена крепостного права утратила свою проблематичность и превратилась в непреложный факт,

не требующий глубокого анализа»¹¹. Изменения исследовательской конъюнктуры повернули взоры англоязычных специалистов на период 1890–1940-х гг., по отношению к которому Великие реформы являются далекой предысторией. Внимание ряда зарубежных историков сосредоточилось «на “периодах стабильности”, когда происходили, казалось бы, незаметные, но глубокие трансформации в структурах семьи, частной собственности, национальной и гендерной идентичности, — это вторая половина XVIII в., николаевское царствование. В таком контексте отмена крепостного права и как крупное политическое событие, и как акт “социальной инженерии” оказывается вне поля зрения исследователей (или же выступает в качестве фона, на котором разворачивается изучение какой-либо проблемы)»¹².

14–15 марта 2011 г. Европейский университет в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургский институт истории РАН при поддержке федерального государственного унитарного предприятия «Гознак» провели конференцию, ставшую отправной точкой для публикации предлагаемого на суд читателей сборника. Выбор дат был не случаен: после громогласно отмечавшегося 3 марта (обратим внимание, по новому стилю) 150-летия отмены крепостного права 130-я годовщина трагической гибели царя-освободителя по большей части была обойдена вниманием. Объединяя две памятные даты, мы хотели бы говорить не только и не столько об отмене крепостного права, сколько обо всей эпохе Великих реформ, продолжавшей свое существование в исторической памяти народов Российской империи (см. статьи М.А. Коркиной и Н.Н. Родигиной, М.А. Витухновской-Каушпала). Главная идея конференции заключалась в попытке помещения процесса подготовки и осуществления преобразований 1860–1870-х гг. в «человеческое измерение». Отсюда — подзаголовок и название двух секций: «Люди в судьбах реформ» и «Реформы в судьбах людей». В первую очередь речь шла о влиянии на реформы личностного фактора: каким образом отдельные люди, не только император Александр II и его ближайшее окружение, но и менее титулованные, а подчас и малоизвестные реформаторы, влияли на судьбы преобразований. Каковы были будни реформаторов, их путь во власть, личные связи, взгляды, проекты. Больше всего внимания

¹¹ *Большакова О.В.* Между двумя юбилеями: англоязычная историография отмены крепостного права. С. 23.

¹² Там же. С. 23.

было уделено вел. кн. Константину Николаевичу (К.В. Сак) и «константиновцам» (А.П. Шевырев, В.Л. Степанов). Неожиданной в сонме реформаторов оказалась фигура главы III отделения В.А. Долгорукова (О.Ю. Абакумов). Судьба реформатора в провинции была освещена на примере личности Е.И. Барановского (С.В. Любичанковский).

На другом полюсе находился вопрос о влиянии реформ на судьбы отдельных людей и целых народов (П. Каушпала), не только коренное переустройство различных сфер жизни (Н.Г. Патрушева), но и малозаметные на первый взгляд изменения в повседневной жизни (В.В. Лапин). Работа еще одной секции — «Царствование Александра II: реформы символики, символы реформ» — сосредоточивалась на реформе городской и территориальной геральдики, а также на воплощении идей и настроений александровского царствования в невербальной форме, в виде символов разного рода. Наконец, участники четвертой секции — «Репрезентация, память, историография» — в своей работе касались всех сторон процесса коммеморации как самого императора Александра II, так и его деяний (В.В. Ведерников, Ю.А. Сафронова).

Б.М. Фирсов (почетный ректор ЕУСПб), внимательно наблюдая за ходом конференции, во время своего выступления в дискуссии привел строки из записной книжки Ильфа и Петрова, которые удивительно точно характеризуют современное состояние исследований истории Великих реформ и представлений о них власти и общества: «Всю дорогу пели волжские песни, играли в карты, а на Волгу так и не взглянули». И действительно, в докладах и прениях основное внимание обращалось на образ реформы и реформаторов, сложившийся в умах современников и потомков, на историческую память об этом событии и т. д., тогда как о самой реформе говорилось совсем немного. Это — явная тенденция, причем проявляющаяся в различных проблемных полях. Так, международные конференции, посвященные Отечественной войне 1812 г. (сентябрь 2012 г. — Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук; май 2012 г. — Германский исторический институт в Москве), называются соответственно: «Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы» и «После грозы. 1812 год в коллективной памяти России». С особой рельефностью смена парадигм проявилась в выступлении на «французской» конференции участника, который на основании военных архивов предпринял традиционную попытку ликвидировать одно из

«белых пятен» в истории кампании 1805 г. Выглядело это как сообщение на неведомом языке в отсутствие переводчика.

Поскольку научные конференции всегда рассматриваются как своеобразная «проба пульса», они очень важны для выявления тенденций в развитии научной мысли. В этой связи резонными являются вопросы одного из участников (Б.И. Колоницкого): какие темы предлагать аспирантам, исходя из представлений об общественном «запросе», и насколько в ходе конференции удастся выявить логику развития профессии историка и истории как научной дисциплины?

В ходе дискуссии был затронут и вопрос о причинах того, почему историческая значимость Александра II, несмотря на эпохальный характер его царствования, остается весомой лишь в сравнительно узком кругу профессиональных историков. Было предложено объяснение (А.П. Шевырев) сравнительного «безразличия» к фигуре Александра II. Советская историография обходила вниманием личность этого императора отчасти по причине негласного запрета на описание всех самодержцев, кроме Ивана IV и Петра I, а отчасти потому, что сама фигура «освободителя» оказалась крайне неудобной для ее «втискивания» в рамки существовавших историографических схем. В постсоветский период, с его характерной тягой к радикальной ревизии прежних представлений о прошлом, в центре внимания оказались Павел I, Петр III, Александр III, Николай II, т. е. те самодержцы, о которых ранее писали «плохо». Образ Александра Освободителя, равно как и Александра Благословенного, не требовал пересмотра, чем и объясняется индифферентность исторического сообщества к этим фигурам. Была названа еще одна возможная причина этого явления (В.В. Лапин). Как известно, советская историография отличалась «безлюдностью»: все события развивались как будто без участия действующих лиц. Когда произошла «историческая контрреволюция», маятник качнулся в другую сторону: стали писать о персоне без ее деятельности, и этот царь сразу поблек на фоне грандиозных событий его царствования.

Значительным проблемным узлом истории преобразований Александра II назван (В.В. Ведерников) раскол между реформаторами и революционерами, которые до 1859 г. выступали единой командой (М.Н. Катков, вел. кн. Елена Павловна, М.П. Погодин, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский). Еще одну проблему формирования образа Александра II в советской историографии

(по мнению М.Д. Долбилова) создала двусмысленность темы народофильского террора.

В ходе дискуссии указывалось на необходимость и продуктивность сравнительного подхода (Е.А. Правилова) со ссылкой на проведение семинара о реформах в Турции в 1860-е гг., на котором рассматривался вопрос о превращении этого государства в европеизированную страну, быстро преодолевающую социально-экономическое отставание. При этом помещение реформ 1860-х гг. в перспективу выбора и возможностей подталкивает к выводу, что роль личностей в этом процессе оказывается не столь уж и значительной. Также в дискуссии прозвучало предложение рассматривать долгосрочные последствия перемен, оценить роль реформы в создании революционной обстановки (Ю.И. Басилов), как это произошло, по мнению некоторых немецких историков, в Германии. Там реформы 1807–1813 гг. создали «горизонт ожиданий» для социальных сил, оставшихся недовольными так называемыми половинчатыми реформами, которые и привели Пруссию к революции 1848 г. В результате проведения земской и городской реформы в России появились новые люди — носители новой политической культуры, которым было откровенно тесно в рамках самодержавия, не способного к радикальным реформам и к диалогу с политическими оппонентами. В дискуссии отмечалось (М.Д. Долбилов), что заметное в историографии и в ходе данной конференции тяготение к уже упоминавшемуся «историческому контексту» реформы 1861 г. создает сомнительное впечатление достаточно основательной изученности самого эпохального события, его подготовки и проведения. На самом же деле здесь немало дискуссионных проблем. Одна из них — личное участие царя в подготовке и проведении реформ, другая — особенности работы бюрократического аппарата в условиях радикальных социально-экономических перемен. В фокус внимания историков должны попасть сложные взаимоотношения внутри российской элиты, взаимодействие ее различных влиятельных представителей.

Подведение итогов конференции позволяет сделать вывод о том, что трудно ожидать возврата к эпохе, когда создавались работы, подобные уже упоминавшейся монографии Л.Г. Захаровой. Сегодня главное — осмысление событий прошлого на основе уже введенных в оборот источников, их новое прочтение, предложение и обоснование новых подходов к изучению эпохи Великих реформ Александра II.

Владимир Лапин